

*Сердюк П. П.,**доктор юридических наук,
професор кафедри уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Национальной академии прокуратуры Украины*

МИГРАЦИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Аннотация. В статье представлена критика существующих утверждений относительно большей криминальной активности мигрантов, по сравнению с постоянным населением. Предложена методология исследования данного вопроса, которая способна дать точные научные результаты.

Ключевые слова: город, измерение, индекс, количество, народонаселение, мигранты, село.

Постановка проблемы. Исследователи, непрестанно напоминая о ведущей роли, помимо плотности населения, миграционных колебаний населения, говорят о большей криминальной активности именно данной группы населения. Тут невольно задумаешься об эволюционной силе ксенофобии и адаптации. Они не настаивают на том, что ситуация изменилась благодаря увеличению населения за счёт мигрантов, а сетуют именно на криминальную активность самих мигрантов. При этом предпринимались попытки сравнить уровень криминальной активности постоянного населения и прибывших мигрантов. У них получалась цифра, которая указывала на большую криминальную активность мигрантов. Впрочем, данная цифра измерялась исходя из совокупности постоянного населения и совокупности мигрантов. Но, выходит, что количество постоянно проживающих куда выше, чем количество мигрантов, поэтому количество преступлений, совершённых постоянным населением разбавлялось в большем числе населения, чем для преступности мигрантов. Вот и выходило, что мигранты более криминально активные.

Целью статьи является желание продемонстрировать, как ошибки в методологии учёта количества народонаселения, прежде всего, из математических соображений привели к превратному пониманию действительной роли миграционных процессов в воздействии на количественные показатели преступности.

Состояние исследования вопроса, коим занимались другие исследователи (Г. Абдраимов, В. Балыков, А. Гришин, В. Шакун, М. Утяцкий и др.), вплоть до дня написания статьи, говорит о том, что они обращали внимание только на интуитивно понятные моменты данного вопроса, к которым расположены наши инстинкты. В частности, выводы о том, что компактное и изолированное проживание мигрантов, их культурная обособленность и прочие проявления замкнутости на фоне экономических факторов способствуют повышенной криминальной активности мигрантов. Полагаем, что такие выводы не такие непогрешимые, как может показаться на первый взгляд, особенно если смотреть на данный вопрос через линзу умозрительной убедительности. Мы предлагаем посмотреть на него с позиции точной методологии процесса измерения.

Изложение основного материала исследования. Исследуя вопрос влияния миграции на преступность, было бы корректно сравнивать абсолютные показатели преступности

постоянного населения и преступности мигрантов. Кажется, что это вздор, ведь эти группы населения так существенно отличаются по количеству. И всё же, мерить криминальную активность и сопоставлять её, не учитывая разность в делимом, то есть количестве людей в сравниваемых группах, – это не меньший вздор. Тут необходимо было бы использовать пропорциональный подход. Нужно было сравнивать количество совершаемых преступлений мигрантами и постоянными жителями, исходя из одинакового количества их выборки. Не менее важным было бы не заниматься селекцией мигрантов и брать случайную их выборку, а не подбирать их среди маргиналов.

Однако даже при традиционном, ошибочном подсчёте индекса преступности на 10 000 или 100 000 населения среди мигрантов и постоянных жителей тезис о повышенной криминальной активности мигрантов опровергается самим этим ржавым оружием. Имеем в виду методику. При таком результате не лишним будет задуматься над вздорностью тезиса о большей криминальной активности мигрантов, который перемывался в криминологической литературе дольше, чем народ бродил по пустыне в одном из надоевших мифов прошлого.

Вот, хотя бы взять пример результатов исследования на эмпирической базе Республики Казахстан, где изучение динамики преступности на 10 000 мигрантов и 10 000 граждан за 2000–2009 гг. показал, что уровень преступности среди мигрантов ниже, чем среди граждан республики (табл. 1) [1, с. 14]. Получается, что коль скоро такая разница велика, то и погрешность видна ещё очевиднее. Уменьшая аналитическую единицу сравнения до 10 000 человек в такой многонаселённой стране, исследователь сжимает все преступления, совершённые этим населением до индекса на 10 000 человек. В таком случае степень разбавления уменьшается и получается то, что можно видеть (табл. 1). Итак, получается, что индекс будет зависеть не от самой криминальной активности испытуемых, а от подобранной единицы аналитического сравнения.

Ещё одна немаловажная особенность учёта влияния миграционных колебаний проявляется в том, что чем меньший ареал для сравнения, тем больше проявляются погрешности. Вот взять, к примеру, район в сверхкрупном городе. Предположим, что это район делового центра, где постоянного населения мало, но зато значительные колебания притока и оттока работников, большое количество учреждений и организаций. Плотность от таких колебаний периодически увеличивается и уменьшается. Должно ли это на макроуровне сказываться на показателе зарегистрированной преступности? С одной стороны, количество населения увеличивается, а с другой – такие изменения должны влиять не на всю преступность, а только на отдельные её виды. А вот в более крупном ареале, когда во внимание принимается весь город, миграционные потоки обеспечиваются за счёт горожан, курсирующих из спальных районов в деловые районы города. Может быть задействован ещё и пригород. И всё же, в деловой части города совершаются

Таблица 1

Индексы преступности на 10 000 постоянно проживающих граждан и на 10 000 мигрантов в Республике Казахстан

годы	2000	2001	2002	2003	2004
постоянные граждане	101,3	102,4	91	80	96
мигранты	77,1	62	41	29	25
годы	2005	2006	2007	2008	2009
постоянные граждане	97	92,3	83	81,3	76
мигранты	21,3	15	19	14	20,3

преимущественно экономические преступления, а среди общеуголовных преступлений преобладают кражи из магазинов и уличные кражи. Вот и выходит, что оценка миграционных колебаний не столь однозначна. Стоит понимать, что если миграционные потоки не существенно влияют на общее количество населения региона, то они и не могут играть ощутимую роль в показателях преступности в нём.

В пользу того, что численность населения оказывает влияние на количество совершаемых преступлений, можно привести данные, в соответствии с которыми крупные города в любое время года интенсивно посещаются приезжими, число которых может достигать $\frac{1}{3}$ численности постоянно проживающего населения [2, с. 18]. Но влияет на это не само по себе то, что это мигрирующее население, а то, что большее число людей сталкиваются с большей вероятностью совершения преступлений, решая, таким образом, свои текущие проблемы.

Редкие сетования на использование стереотипа о том, что сельский уклад жизни считался исконным проявлением источника добра, а городской – зла, всё равно не увенчались успехом, поскольку даже критики такой аберрации приходили к выводу, что хоть и специфика городских условий жизни не влияет на преступность, на неё влияет процесс урбанизации. Последний понимался как процесс перестройки социальных взаимодействий, что, в конечном итоге, всё равно приводит нас к мысли о влиянии на преступность новых социальных условий взаимодействия, читайте, городской уклад жизни [3, с. 6–8]. Получается печально известный циркулярный аргумент.

Некоторые исследователи жизнь в городе и деревне плотность населения относили к факторам физико-социальной среды, за что подвергались критике, хотя в большей степени из того, что посмели отнести питание и нищету к данным факторам, а не к сфере экономики и социального расслоения [4, с. 34]. Но есть в этом и своё очарование. Заманчиво рассматривать количество народонаселения, его плотность по аналогии с физическим пространством, в котором существуют присущие ему закономерности и вероятности. Это один из самых простых посылов науки – найди простое объяснение сложному вопросу. Действительно, сложно предположить вероятность совершения преступлений одним человеком, однако, когда речь идёт о массах, прогноз может быть куда более перспективным. И в данном случае количество может играть важную роль.

Любопытные данные по проблеме дифференциации городской и сельской преступности были приведены в первой трети 1900-х гг. Отмечалось, что меньшие показатели преступности в сельской местности обусловлены культурным фактором, то есть «мирной тишиной» жизни в деревне – старым миром, и динамичностью жизни в новом мире – городе. Эта идея дожила до 1970-х гг., и даже сейчас можно встретить пассажи на дан-

ную тему. Объяснение искали в столкновении старого и нового миров, экономических факторах, войне, голоде, переселении городских жителей, бежавших от голода, в деревню. Эти взгляды, по сути, повторялись в 1990-х гг., не будучи подвергнуты основательной количественной перепроверке, оставаясь на постулате об особой психологической роли городского уклада жизни [5, с. 16–19]. Будучи умозрительным, он представляет собой довольно блёклую теорию, которую нельзя перепроверить наблюдениями, поскольку оценочное – «городской уклад жизни» – можно растягивать «всяк на свой аршин». Наоборот, хорошие теории можно проверить посредством наблюдения. На эту роль могут претендовать и теория урбанизации как концентрации большого количества населения в одном населённом пункте, и даже теория плотности населения, которую тоже можно верифицировать.

Непонимание роли территориальных демографических условий, влияющих на количественные характеристики преступности, и полная заикленность на психологии деревни и города даже привели исследователя к тому, что тот задался вопросом, а стоит ли учитывать специфику преступности горожан в городе, горожан в селе, сельчан в селе и сельчан в городе? По его мнению, такое разграничение значимо, поскольку оно показало бы влияние среды и психологии жителей деревни и города на их преступное поведение [6, с. 103]. Полагаю, что это предположение неосновательно. Тем более что позже исследователь отметил, что на 1990 г. анализ преступности показал, что 28% преступлений совершается в сельской местности, и 72% – в городах и посёлках городского типа. Доля сельского населения равна 34%, а городского – 66% [7, с. 78]. Здесь видно, что проявляется корреляция между количеством населения и преступностью, а несколько процентов расхождения, учитывая массивы, предполагают необходимую погрешность за счёт качества регистрации преступлений.

Полагаем, что данная традиция возникла ещё с тех наивных рассуждений, которые бытовали в позапрошлом веке. Так, во второй половине 1800 х гг. один из исследователей уверенно отмечал, что необходима классификация местностей с точки зрения их криминальности. Он совершенно не сомневался в том, что количество народонаселения не имеет значения во влиянии на количество преступлений, если речь идёт о губерниях, населённых бывшими каторжниками, цыганами, бурятами, кавказцами. Хотя в единственном подкреплении своих слов он использовал данные о количестве убийц за 20 лет, утверждая, что при одинаковом числе жителей в Курской губернии было на 161 преступника больше, чем в Полтавской губернии. Правда, он не учитывал динамику народонаселения за эти 20 лет. Исследователь отмечал, что за период с 1827 по 1846 гг. в Санкт-Петербургской губернии, со столичным городом, которая по населению была равна с Костромской губернией, количество убийц за данный период было 398, в то время как в Костромской губернии – 254 убийц. По его видению, этот излишек был добавлен г. Санкт-Петербургом, так как он полагал, что город всегда и везде греховнее, чем деревня [8, с. 49–50]. Но учитывал ли исследователь динамику народонаселения указанных губерний? Этого из его книги не узнать. Статистические данные говорят нам о том, что количество населения в данных губерниях отличалось и что исследователь заблуждался. Например, в Костромской губернии население в 1846 г. составляло 1 003 033 человека, а в Санкт-Петербургской – 971 503 человека, но за этот 20-летний период колебания населения были значительны. В Костромской губернии население

за этот период то возрастало, то падало. Разница в населении в 1846 г. небольшая, но столичный статус Санкт-Петербурга предусматривал, что число реального населения выше, чем фактически зарегистрированного.

Иной исследователь высказывал ещё более неуместную мысль, хотя и в духе того времени. Дескать, большой город остужает религиозный пыл, в итоге – побуждает взяться за разбойничий топор и живиться из чужого кармана. А ещё большой город давал больше возможностей скрыть следы преступления, и это, по его мнению, побуждало горожан в большей мере быть податливыми к совершению преступления, чем сельское население [9, с. 17]. Но вряд ли религиозность могла повлиять. Хотя возможность чувствовать себя в большом городе в качестве инкогнито – неплохой союзник в криминальных делишках.

Другой пример показывает, что в 2000 г. в Республике Дагестан (РФ) коэффициент преступности в городах составлял 95 преступлений на 10 000 населения, а в сёлах – 50 преступлений на 10 000 населения. При этом доля населения, проживающего в сёлах в 2000 г., составляла 60%, а в городах – 40%, хотя если говорить о наименее латентном виде преступности, в 2000 г. число убийств в сельской местности и городе было соответственно – 86/88, тяжких телесных повреждений – 52/48, телесных повреждений средней тяжести – 43/43 [10, с. 75–76]. Как это можно объяснить? Выходит, что по коэффициенту интенсивности преступности в городах производится в полноту больше преступлений, чем в сёлах, хотя сельское население на 20% многочисленнее. Очевидно, что количественные показатели насильственных преступлений демонстрируют очень близкие пропорции, что в принципе допускают колебания в пределах погрешности, но коэффициенты в 50 и 95 всей преступности, напротив, всё запутывают. Такой показатель не говорит о том, что в городе совершается куда больше преступлений, чем в сельской местности, тем более что исследователь пытается нас убедить в том, что в сельской местности Республики Дагестан интенсивность преступности выше. Он говорит нам о том, что в сельской местности более искажённая регистрация преступлений, о чём утверждает и сам исследователь. Разница в количестве деликтоспособного населения в около 300 000 человек должна давать прирост преступлений. Но нужно помнить, что в сельской местности совершается значительно меньше беловоротничковых и иных, свойственных экономике и быту города, преступлений, что в данном случае могло сказаться на конечном результате. Впрочем, для данных советского времени за основу бралась общеуголовная преступность. Тогда, как и сейчас, преступность чиновников была под спудом и мало влияла на общие показатели. Так что и сейчас следует ориентироваться в своих выводах на общеуголовную преступность, давая оценки пропорций городской и сельской преступности.

Ещё в 1983 г. отмечалось, что в СССР 60% преступлений совершались в городах и посёлках городского типа, а 40% – в сёлах [11, с. 25]. В Республике Дагестан в 2000 г. в городах было совершено 58% преступлений, а в сёлах – 42% из всех зарегистрированных. Это говорит о том, что показатель населения может подсказывать нам об искажениях в регистрации преступлений.

Всё же нужно отметить, что регистрация насильственных преступлений в Республике Дагестан является примером того, какие заблуждения могут происходить, если уделять больше внимания досужим рассуждениям о том, как уклад жизни влияет на преступность в городе или деревне. К примеру, есть

утверждение, что для городской преступности в большей степени присущи преступления против личности [12, с. 13], хотя несколько исследований до него твердили об обратной ситуации. Другой же исследователь отмечает, что количество зарегистрированных преступлений против собственности в городах и сельской местности примерно соответствует распределению городского и сельского населения [13, с. 25]. Вот это последнее утверждение и ближе всего к истине.

Вся эта череда вопросов связана. Также как с городской и сельской преступностью, в миграционных процессах не учитывается сам коррелят количества народонаселения, и миграция влияет на преступность на том уровне, что увеличивается количество народонаселения, а посему и вероятность большего количества совершаемых преступлений. Немаловажно при этом использовать такой подсчёт, который бы учитывал параметры народонаселения, правильность выборки при оценке криминальной активности мигрантов. Фактически, когда допускаются разбавление или несопоставимые выборки по процедуре исследования, то делаются выводы, которые ныне доминируют в криминологических публикациях относительно преступности мигрантов. Для точных результатов нужна такая методология, когда используется точная выборка постоянного населения и такая же – мигрантов. Если исследование проводится в крупном городе, то можно попробовать сопоставить показатели криминальной активности среди выборок в несколько тысяч человек. Это должна быть группа постоянных жителей, например, в 5 000 человек. Совершенно случайная выборка. И такая же группа по количеству – мигрантов, которая тоже должна быть случайной. Затем необходимо выявить абсолютные показатели преступности в данных двух выборках. Полученные результаты покажут истину в этом вопросе. Насколько нам известно, подобных исследований в мире ещё не проводилось. До сего дня исследования проводились упрощённо. Просто брался коэффициент криминальной активности постоянно населения, в формуле определения которого присутствует всё количество совершённых преступлений на данной территории, причём всем населением, включая преступления, которые совершили мигранты. А затем определялся коэффициент криминальной активности для мигрантов, который извлекался из статистических показателей, где выискивались данные о лицах, совершивших преступления. Исходя из такой формулы, вторая группа представлена в неодинаковых условиях, потому что коэффициент разбавления совершенно несопоставим.

Выводы. Мы думаем, что в данном вопросе спрятана причина большего масштаба, а именно то, что учёт преступности производился на базе индекса (10 000 или 100 000 населения), дающий возможность разбавить относительно стабильные показатели преступности в больших городах, а это сказывалось и на оценках преступности мигрантов. В средних и малых же городах индекс оказывался намного ошутимее, потому что среда для «разбавления» была куда меньше населена, в отличие от больших городов.

Литература:

1. Абдраимов Г.И. Противодействие преступности незаконных мигрантов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / И.А. Габинин ; Кыргызско-российский славянский университет и Академия МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э. Алиева. – Бишкек, 2014. – 27 с.
2. Гришин А.Н. Уличная преступность и её профилактика службой милиции общественной безопасности в условиях крупного города : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / А.Н. Гришин ;

- Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации. – Санкт-Петербург, 1998. – 202 с.
3. Яковлев А.М. Преступность в условиях города (социально-психологический аспект) / А.М. Яковлев // СССР–США: криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с городской преступностью / ред. колл.: С.В. Бородин, С.Г. Келина, А.М. Яковлев. – М. : Институт государства и права АН СССР, 1987. – С. 5–13.
  4. Герцензон А.А. Советская уголовная статистика / А.А. Герцензон. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937. – 264 с.
  5. Шакун В.І. Урбанізація і злочинність в Україні : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.08 / В.І. Шакун ; Національна юридична академія імені Ярослава Мудрого. – Х., 1996. – 56 с.
  6. Забрянский Г.И. Изучение преступности в сельской местности / Г.И. Забрянский // Актуальные проблемы борьбы с преступностью : межвузовский тематический сборник / ред. колл.: проф. П.С. Дагель (отв. ред.), проф. Р.Р. Галиакбаров, проф. Н.И. Трофимов, доц. А.И. Коробеев, доц. Р.И. Михеев. – Владивосток : Издательство Дальневосточного государственного университета, 1983. – С. 101–106.
  7. Забрянский Г.И. Криминологические проблемы села (Методология и методика исследования) / Г.И. Забрянский ; отв. ред. докт. юрид. наук, проф. С.И. Дементьев. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 1990. – 192 с.
  8. Максимовъ С. Народныя преступления и несчастія (часть первая) / С.В. Максимовъ. – Санкт-Петербург : Изъ журнала «Отечественныя записки», 1865. – С. 1–58.
  9. Оболонский Н.А. Историческій очеркъ развития позитивной школы о преступникѣ и преступленіи. Вступительная лекція проф. Н.А. Оболонскаго, читанная 15 февраля 1889 года / Н.А. Оболонский. – Киевъ : Товарищество печатнаго дѣла и торговли И.Н. Кушнеревъ и Ко, Киевское Отдѣленіе, 1889. – 20 с.
  10. Алиханов С.А. Криминологическая характеристика преступности в городах и сельской местности (по материалам Республики Дагестан) : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / С.А. Алиханов ; Московская государственная юридическая академия. – М., 2003. – 137 с.
  11. Забрянский Г.И. Актуальные проблемы профилактики преступлений в сельской местности : [учебное пособие] / Г.И. Забрянский. – Краснодар : Издательство Кубанского университета, 1983б. – 80 с.
  12. Шуклина Е.А. Особенности преступности в сельской местности и её предупреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / Е.А. Шуклина ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2014. – 28 с.
  13. Красковский Я.Э. Предупреждение рецидивной преступности в сельской местности : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / Я.Э. Красковский ; Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. – Рязань, 2010. – 197 с.

Сердюк П. П. Міграція і злочинність

Анотація. У статті подана критика наявних тверджень щодо вищої кримінальної активності мігрантів, порівняно з постійним населенням. Запропоновано методологію дослідження цього питання, яка спроможна дати точні наукові результати.

Ключові слова: вимірювання, індекс, кількість, населення, мігранти, місто, село.

Serdiuk P. Migration and crime

Summary. The article presents a critique of the existing relative to more criminal activity of migrants compared with a permanent population. In the article proposes a methodology of the study of this question, which is able to give precise scientific results.

Key words: city, measurement, index number, population, migrants, village.